

Оригинальная статья / Original article
УДК 159.922
<https://doi.org/10.24866/2658-5855/2024-1/34-42>

Метафорический образ смерти: личностный аспект

Т.А. Гаврилова¹✉, Т.В. Слинькова²

¹ Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Российская Федерация
² Владивостокский государственный университет, Владивосток, Российская Федерация
✉ gavrilova.ta@dvfu.ru

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования содержания метафорических образов смерти у российских юношей и девушек с позиций тематики и временного локуса при помощи авторского варианта техники Death Personification Exercise Р. Кастенбаума и Р. Эйзенберга. Показано, что примерно половина метафор смерти в выборке студентов педагогического бакалавриата (N = 244, из них 63 юношей и 181 девушка, в возрасте 17–19 лет) были визуально и концептуально неопределенными, которые интерпретированы как относящиеся к временному локусу «после» и имеющими негативный характер. Персонифицированные образы составили пятую часть от всех представленных метафор и были преимущественно женскими и безвозрастными, в отличие от англо-американских данных, в которых преобладали мужские образы среднего и пожилого возраста. Позитивных метафор смерти в нашей выборке обнаружено не было. Также не было выявлено различий по фактору пола. Научная значимость полученных результатов обосновывается предоставлением данных для разработки диагностических методик и выдвижения гипотез для дальнейших исследований неосознаваемых аттитюдов по отношению к смерти и стратегий совладания с негативными переживаниями в ситуации конфронтации с ней.

Ключевые слова: образ смерти, персонификация смерти, тревога смерти, танатопсихология

Для цитирования: Гаврилова Т.А., Слинькова Т.В. Метафорический образ смерти: личностный аспект // Социальная компетентность. 2024. Т. 9, № 1. С. 34–42.

Metaphorical image of death: personal aspect

T.A. Gavrilova¹✉, T.V. Slinkova²

¹Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation
²Vladivostok State University, Vladivostok, Russian Federation
✉ gavrilova.ta@dvfu.ru

Abstract. The article presents the results of an empirical study of the content of metaphorical images of death among Russian boys and girls from the perspective of theme and temporal locus using the author's version of the DPE (Death Personification Exercise) technique by R. Kastenbaum and R. Eisenberg. It was shown that approximately half of the death metaphors in a sample of undergraduate pedagogical students (N= 244, of which 63 boys and 181 girls, aged 17–19 years) were visually and conceptually vague, which were interpreted as referring to the time locus “after” and having a negative character. Personified images made up a fifth of all metaphors presented and were predominantly female and ageless, in contrast to the Anglo-American data, in which male images of middle and old age predominated. No positive metaphors of death were found in our sample. There were also no differences identified by gender. The scientific significance of the results obtained is justified by providing data for the development of diagnostic methods and putting forward hypotheses for further research into unconscious death attitudes and coping strategies with negative experiences in a situation of death confrontation.

Keywords: death image, death personification, death anxiety, thanatopsychology

For citation: Gavrilova T.A., Slinkova T.V. Metaphorical image of death: personal aspect. *Social Competence*, 2024, vol. 9, no. 1, pp. 34–42. (In Russ.).

Введение

Образная символика смерти – традиционный предмет культурологических, лингвистических и литературоведческих исследований, и гораздо реже она становится предметом интереса психологов. А ведь в этих образах открывается поле личностных проекций, которые полезны не только для понимания архетипических представлений. В практическом плане анализ индивидуальных образов смерти выступает как инструмент диагностики неосознаваемого или трудно вербализуемого отношения к смерти, способов психологической защиты и совладания с ее неизбежностью [1]. Актуальность нашего исследования видится в том, что большинство популярных психологических пособий в области психологической помощи личности в ситуации конфронтации со смертью основываются на традициях западной культуры [2, 3]. Анализа российской специфики и сравнительных исследований еще явно недостаточно для того, чтобы утверждать, что переживания личности по поводу своей неизбежной конечности носят универсальный характер.

В лингвистике метафора понимается как «важнейший способ когнитивного моделирования действительности, способ непрямого отражения мира в сознании, репрезентированный в языке в системах образных номинаций» [4]. Впервые о психологических аспектах метафор смерти заговорили в 1948 году после публикации работы М. Нэги, посвященной детским понятиям о смерти [5]. В своем исследовании 400 венгерских детей 3–10 лет она обнаружила, что в период от 5 до 9 лет, когда дети начинают осмыслять причины смерти, они предпочитают представлять смерть в виде персонифицированного образа (скелета, ангела и т.п.). Обращение детей к таким персонификациям было истолковано автором как своеобразный способ защититься от неотвратимости смерти: в таком виде смерть становится «зримой», в такой форме ее нельзя не заметить, и значит, это дает возможность как-то избежать ее, если заметишь вовремя. И хотя в последующих исследованиях американских и других детей типичности таких персонификаций не было обнаружено [6], тем не менее идея изучать персонификации смерти закрепилась в качестве самостоятельного метода психологического исследования.

Так, Р. Кастенбаум и Р. Эйзенберг [7] разработали методику «Проба персонификации смерти» (Death Personification Exercise – DPE), используя которую, они обнаружили типичные для североамериканцев особенности этих персонификаций. В частности, было установлено, что чаще всего, независимо от пола и возраста респондентов, смерть представляется существом мужского пола среднего или пожилого возраста, редко – молодого и никогда детского возраста. Ими же было выделено четыре типа персонификаций смерти, характерных для североамериканцев: «веселый обманщик» (gay deceiver), «нежный успокоитель» (gentle comforter), «мрачный» (macabre) и «автомат» (automaton).

Р. Лонетто и Д. Темплер в дальнейшем установили, что эти персонификации связаны с различными уровнями тревоги смерти, измеренной по *Death Anxiety Scale* [1]. Так, мрачные или феминные персонификации оказались связанными с высокими уровнями тревоги смерти. Напротив, те, кто предпочитал описывать смерть в образе «нежного успокоителя» или «веселого обманщика», имели более низкие уровни тревоги по поводу смерти. Кроме того, низкий уровень тревоги смерти демонстрировали респонденты, сообщавшие бесполой тип персонификаций или метафоризировавшие смерть в паттернах света или открытости.

Большое значение исследованиям образных представлений смерти придавал Г. Фейфель [8]. Он также доказывал, что неосознаваемый страх смерти лучше всего выявляется через анализ различных метафор, которыми люди описывают свой взгляд на личную смерть. Предпочтение негативных метафор он предлагал рассматривать как индикатор высокого

уровня тревоги смерти. Вместе с В.Т. Нэги он разработал «Шкалу фантазий смерти» (*Fantasy Level Fear of death Scale*) [9], в которой они сформулировали шесть негативных и шесть позитивных метафор личной смерти. Позднее эта шкала была модифицирована австралийским психологом Дж. Мак-Леннаном с сотрудниками [10], исследовавшими психометрические характеристики шкалы Фейфеля-Нэги. В частности, было выделено 18 метафор смерти, которые все респонденты отнесли к однозначно позитивной или однозначно негативной категории. Полученные в ходе исследования метафоры были оформлены в «Пересмотренную шкалу фантазийного образа смерти» (*Revised Death Fantasy Scale-RDFS*) и содержали следующие образы: «утешающий родитель», «густой туман», «жрущий тигр», «успокаивающий ветерок», «воссоединение семьи», «молот», «заслуженный отдых», «безобразный монстр», «высокая каменная стена», «холодное одинокое путешествие», «падение со скалы», «новый опыт», «ясное свежее утро», «возвращение домой», «черная дыра», «мирный сад», «большое приключение», «пустое мрачное пространство». В последующих исследованиях [11] была обнаружена связь между негативными метафорами смерти и уровнем осознаваемой и неосознаваемой тревоги смерти (измеренной по *DAS* и по *TAT*).

Что касается позитивных метафор, то их психологическое значение оказалось менее ясным. Эта группа метафор не обнаружила в исследованиях никаких корреляций с показателями различных методик измерения тревоги смерти и, таким образом, не смогла быть рассмотренной как индикатор низкого уровня этого вида тревожности. Вместе с тем были обнаружены значимые корреляции балла по шкале позитивных метафор смерти и баллов по методике, измеряющей уровень защитно-отрицающей стратегии совладания с негативными эмоциями, и методике, измеряющей степень религиозной вовлеченности личности. Исследователи заключают, что выбор позитивных метафор смерти является выражением защитного процесса, который облегчает тревогу смерти. Однако степень адаптивности этого вида защит далеко неочевидна. Так, если эти защиты являются компонентами религиозного или духовного мировоззрения, то они могут рассматриваться, скорее, как адаптивные. Но если они являются просто выражением привычного личностного стиля совладания с негативными эмоциями, то их наличие должно оцениваться как менее адаптивное.

В дальнейшем исследования метафор смерти стали проводиться и в странах с восточными культурами. Гонконгскими психологами Чунгом и Хо [12] была разработана китайская шкала метафор смерти, которая так же, как у Мак-Леннона, содержала позитивные и негативные метафоры смерти, но была дополнена метафорами с культурной спецификой. Так, в китайской шкале было больше метафор с межличностными аспектами, потому что для представителей китайской культуры разлука с близкими людьми имела первостепенное значение. Эти метафоры были и остаются наиболее распространенными у молодежи Гонконга [13, 14].

В этом ракурсе интересна работа польского лингвиста М. Кучека [15], который сравнивал метафорические эвфемизмы смерти в польском и английском американском языках. Он сравнил концептуальные метафоры смерти как одного из способов создания эвфемизма смерти в собраниях американского английского и польского языков и выяснил, что в американском английском смерть чаще всего выражается в концепте *потери*, а в польском – *конца*. Всего же он выделил шесть общих для обоих языков концептуальных метафор смерти: «потеря», «начало путешествия в неизвестное», «отдых/сон», «конец», «начало новой жизни», «поражение».

В недавнем исследовании турецких ученых [16] метафорические образы смерти у студентов медицинского колледжа были распределены на четыре категории: «бесконечность», «неопределенность», «конец» и «начало». Наиболее частыми у них оказались метафоры «конца», наименее частыми – метафоры «начала». Вместе с тем использованная авторами методология была адресована скорее к рефлексивно-когнитивной, нежели личностной сфере,

так как студентам предлагалось объяснить свое понимание смерти.

В отечественной психологии работ подобного типа пока не проводилось, хотя их насущность с каждым годом становится все более очевидной в связи с нарастанием социальных симптомов, демонстрирующих снижение ценности человеческой жизни. К этим симптомам можно отнести стремительно развивающиеся наркотизацию и алкоголизацию населения, увеличение количества убийств и самоубийств, повышение интереса к экстремальным видам досуга, все большее предпочтение виртуального мира реальному. Танатопсихологическая тематика исследований, таким образом, становится все более значимой как в теоретическом, так и практическом плане.

В своей работе мы поставили целью изучить содержание метафорических образов смерти у российских юношей и девушек с позиций тематики и временного локуса. Анализ с позиций временного локуса раскрывается как отнесение образа к категории «до» или «после» события смерти. Такой анализ представляет интерес с точки зрения дальнейших исследований личностного отношения к смерти и его связей с самым широким спектром жизненных позиций и психологического здоровья.

Материалы и методы

Для изучения метафорических образов смерти был использован авторский вариант техники DPE (Death Personification Exercise) Р. Кастенбаума и Р. Эйзенберга [6]. Наша методика включала три вопроса: 1. Как Вы представляете, что такое смерть? 2. Думаете ли Вы о смерти? 3. Если бы Вам сказали нарисовать смерть, то что бы Вы нарисовали?

В исследовании приняло участие 244 студента филологического, биологического, физико-математического, исторического факультетов и факультета иностранных языков филиала ДВФУ в г. Уссурийске (63 юноши и 181 девушка в возрасте 17–19 лет). Им было предложено ответить на вопросы указанного выше опросника. В данной статье приводится анализ ответов по третьему вопросу.

С заданием справились 95,9% опрошенных, 11 испытуемых не смогли представить образ смерти (9 юношей и 2 девушки). Всего 234 участника представили 280 образов смерти: 74,2% опрошенных – по одному образу, остальные 25,8% – от двух до пяти образов.

Результаты обрабатывались с применением контент-анализа, статистический анализ данных проводился с помощью расчетов частот, процентных долей, F-критерия Фишера для определения порога устойчивости контент-категорий, также – критерия хи-квадрат (χ^2) для анализа статистической значимости различий.

Результаты

В результате тематического контент-анализа всех представленных образов было выделено 12 категорий метафорических образов смерти:

- «персонифицированные» – девушка, женщина (старуха) с косой, скелет, монах, ведьма, фигура в капюшоне;
- «ахлуаморфные» (от *ахлуафобия* – боязнь темноты, тумана) – чернота, темнота, черный фон, черный цвет, черная комната, черный квадрат, черный занавес, черное полотно, черное (темное) пятно, тьма, мрак, черная полоса, черная долина, черное пространство, туман;
- «спацеморфные» (от *спацефобия* – боязнь пустого пространства) – пустота;
- «погребальные» (кладбище, гроб, могила, крест);
- «бедствия» (катастрофа, война, смерч, вихрь, ураган, разрушительный ветер);
- «зооморфные» (белый гладкошерстный котенок с голубыми глазами, улетающий в лучезарное небо мотылек, птица, лев, разрывающий людей на куски);

- «фитоморфные» (зеленая трава на лугу, плакучая ива, нарцисс, росток, цветок, увядший цветок, поломанное дерево);
 - «тоннель» (тоннель, коридор)
 - «небесные объекты» (небо, облака, солнце);
 - «бесконечность» (бесконечность, бесконечное пространство);
 - «бездна» (бездна, бездонность, глубокая яма, колодец);
 - «психоактивные вещества» (наркотики, алкоголь).
- Частость представленных образов смерти отражена в табл. 1.

Таблица / Table 1

**Частость тематических контент-категорий образов смерти
(в целом и по полу), кол-во / %**
Frequency of content categories of death images (overall and by gender)

	Контент-категории образов смерти	Всего	Девушки	Юноши	Различия (критерий хи-квадрат)
1	Ахлуаморфные	69/24,6	55/25,2	14/22,5	0,2
2	Персонализированные	63/22,5	53/24,3	10/16,1	1,7
3	Спациморфные	34/12,1	23/10,6	11/18	2,3
4	Погребальные	24/8,6	18/8,3	6/9,7	0,1
5	Бедствия	15/5,4	9/4,1	6/9,7	2,9
6	Бездна	12/4,3	9/4,1	3/4,8	0,1
7	Тоннель, коридор	12/4,3	12/5,6	0	3,6*
8	Бесконечность	11/3,9	9/4,1	2/3,2	0,3
9	Небесные объекты	9/3,2	9/4,1	0	2,6
10	Фитоморфные	9/3,2	9/4,1	0	2,6
11	Зооморфные	4/1,4	3/1,4	1/1,6	0,02
12	Психоактивные вещества	2/0,7	0	2/3,2	7,0**
13	Редкие образы	16/5,8	9/4,1	7/11,3	4,6**
	Всего	280/100	218/100	62/100	-

Примечание. Жирным шрифтом указаны величины критерия χ^2 , свидетельствующие о статистической значимости различий: * – $p \leq 0,05$, ** – $p \leq 0,01$.

Как видно из таблицы, в представлениях студентов о смерти максимально представлены **ахлуаморфные** образы: они охватывают почти четверть из всех выполненных образов (24,6 %). На втором месте по частоте метафорических образов оказались **«персонализированные»** (22,5%). На третьем месте – **«спациморфные»** (12,1%). Эти три образа охватывают половину всех представленных метафор. Можно сказать, что это наиболее популярные метафорические образы в нашем исследовании. На четвертом месте оказались **«погребальные»** образы (8,6%), на пятом – образ **«бедствия»** (5,4%), на шестом – «тоннельные» и **«бездна»** (по 4,3%); на седьмом – **«бесконечность»** (3,9%); на восьмом – **«небесные объекты»** и **«фитоморфные»** (по 3,2%); на девятом – **«зооморфные»** (1,4%), на десятом – **«психоактивные вещества»** (0,7%). Остальные представленные испытуемыми образы (*редкие образы*) не могут быть рассмотрены как типичные в соответствии с тем, что порог устойчивости категории по F-критерию Фишера для данной выборки равен 6 ($p = 0,05$) [17].

Анализ различий в образах в зависимости от пола испытуемых показал, что юноши и девушки значимо различаются только по двум типам образа смерти. У девушек чаще встречались тоннельные образы, а у юношей – образ «психоактивных веществ». У юношей также можно предположить наличие более высокой индивидуальной вариативности образов, о чем

свидетельствует более высокая доля «других образов».

Мы провели контент-анализ и половозрастных характеристик персонификаций смерти для того, чтобы сопоставить их с опубликованными данными. Результаты представлены в табл. 2.

Таблица / Table 2

Половозрастные характеристики персонификаций смерти, кол-во / %
Sex and age characteristics of personifications of death

	Пол персонификации			Возраст персонификации			
	мужской (скелет)	без пола	женский	молодой	средний	пожилой	без возраста
В целом	14/22,2	15/23,8	34/54,0	8/12,8	11/17,4	15/23,8	29/46,0
Девушки	14/26,4	12/22,6	27/51,0	6/11,3	10/18,9	11/20,8	26/49,0
Юноши	0	3/30	7/70,0	2/20,0	1/10,0	4/40,0	3/30,0
Гендерные различия (χ^2)	3,39	0,23	0,74	0,57	0,46	1,72	1,23

Итак, 54% персонификаций составили образы женского пола, 23,8% персонификаций – это бесполое образы (например, «фигура человека») и 22,2% – образы скелета. Различий по фактору пола в половозрастных характеристиках персонификаций смерти обнаружено не было. Что касается возрастных характеристик выполненных образов, то примерно половину из них составили персонификации без определенного возраста (46%), четверть – пожилого возраста (23,8%) и остальная четверть пришлась на молодой и средний возраст. Гендерных различий в половозрастных характеристиках персонификаций смерти выявлено не было.

Обсуждение результатов и выводы

Полученные результаты показывают, что примерно половина метафор смерти у наших испытуемых были *визуально и концептуально неопределенными*: прототипы тьмы и тумана (24,6% ахлуаморфных и 12,1% спациморфных), бездны (4,3%), бесконечности (3,9%). По-видимому, такие образы исходят из ассоциаций испытуемыми с состоянием посмертия как такового. Это состояние представляется им неопределенным и, похоже, ассоциируется с состояниями отсутствия ориентации и контроля. В контексте метафор, выделенных Мак-Ленноном с коллегами [10], указанные метафоры могут быть отнесены к разряду негативных.

Персонифицированные образы также часто встречались в нашей выборке и составили примерно пятую часть от всех образов (22,5%). Чаще всего они были женского пола (55%) и безвозрастные (46%). Женский пол смерти вообще присущ русской лингвокультуре и преобладает в устном народном творчестве и в литературе [18]. Интересна здесь метафора скелета, которая была дана исключительно девушками и не встречалась у юношей. Образ скелета можно квалифицировать двояко. С одной стороны, он не имеет признаков полового диморфизма и потому может быть отнесен к фигурам бесполом. С другой же стороны, его можно квалифицировать как фигуру мужского пола в силу того, что в русском языке его название относится к мужскому роду. Иными словами, если примерно половина студентов описывает смерть в метафорах женского пола, то другая половина представляет ее, скорее, как бесполоую фигуру. Во всяком случае, часть студенток персонифицирует смерть в терминах смешанного бесполо-мужского типа. Следует особо отметить, что в нашем исследовании не обнаружилось ни одной персонификации смерти однозначно мужского пола. Это в наибольшей степени отражает социокультурные различия в отношении к смерти россиян и североамериканцев, у которых, как было показано выше, преобладают мужские персонификации смерти. Также в отличие от североамериканцев, у которых персона смерти имела чаще всего средний

и пожилой возраст, у нас она чаще не имела возраста.

Персонифицированные образы визуально определены, и их можно квалифицировать как ассоциации с символами-предвестниками смерти, которые, как было отмечено при описании работ М. Нэги, делают событие смерти как бы более предсказуемым и с которыми потенциально можно вступать в переговоры и тем самым отдалить ее наступление. В этом смысле персонифицированные метафоры действительно могут служить в качестве индикаторов своеобразных стратегий совладания с тревогой смерти.

В отдельную, хотя и малочисленную, группу образов смерти можно объединить ассоциации с причинами смерти (*каузальные образы*). Это образы бедствий и психоактивных веществ, которые суммарно составили около 6% от всех образов.

Интересно, что позитивные метафоры смерти, наподобие выделенных в работах Мак-Леннона метафор типа «Утешающий родитель», «Воссоединение семьи», «Заслуженный отдых», «Большое приключение», в нашей выборке не встречались. Если и были метафоры, которые можно было бы отнести к разряду позитивных, то это единичные случаи и имеющие скорее нейтральный характер (например, «цветущий луг»). Вероятно, позитивные метафоры смерти связаны с верой в загробную жизнь, и эта вера не была типичной для нашей выборки.

Различий в преобладающих видах метафор смерти между юношами и девушками нами обнаружено не было – только в отношении относительно редких образов. Так, у юношей значительно чаще встречались образы психоактивных веществ, а у девушек – образ тоннеля. Юноши также давали больше вариаций метафор («другие образы»), частотность которых не превышала порога устойчивости для выделения в отдельную тематическую контент-категорию.

Рассмотрение полученных данных с позиций временного локуса представляется таким образом: примерно половину из всего объема образов смерти составили образы, которые можно отнести к категории «после» (*визуально неопределенные* по тематике) и примерно треть – к категории «до» (*персонифицированные и каузальные*), остальные образы – трудно локализуемые. Для дальнейших исследований указанная классификация кажется нам перспективной, открывающей новые возможности для операционализации психологических трактовок метафор смерти.

В заключение следует отметить, что полученные данные имеют ограниченный характер, обусловленный возрастными, социально-экономическими и демографическими характеристиками выборки испытуемых. В дальнейшем были бы полезны исследования на выборках с более широким диапазоном характеристик и привлечением других критериев классификации образов. Однако уже на этом этапе наши результаты могут быть полезны, например, для разработки диагностических методик неосознаваемых установок по отношению к смерти и способов совладания в конфронтации с ней. Они также открывают возможности для выдвижения рабочих гипотез о связях содержания метафорических образов смерти с такими личностными характеристиками, как жизненные смыслы и ценности, эмоциональная устойчивость, жизнестойкость, локус контроля, отношение к суициду и т.д. В этом поле исследований могут быть получены значимые данные для теоретических и прикладных аспектов танатопсихологии и психотерапии.

Благодарности

Авторы благодарны Галине Владиславовне Барнашовой за помощь в сборе и обработке эмпирических данных.

Вклад автора / Contribution of the author

Гаврилова Т.А. – разработка концепции и дизайна исследования; анализ и интерпретация результатов.

Слинкова Т.В. – сбор данных, подготовка и редактирование текста. Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Gavrilova T.A. – development of the concept and design of the study; analysis and interpretation of results.
Slinkova T.V. – data collection, preparation and editing of text. All authors read and approved the final version of the manuscript.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.

Список источников / References

1. Lonetto R., Templer D.I. Death anxiety. New York, Hemisphere, 1986. 155 p.
2. Кюблер-Росс Э. О смерти и умирании. Москва: АСТ, 2024. 416 с.
Kyubler-Ross E.H. On Death and Dying. Moscow, AST Publ., 2024. 416 p. (In Russ.).
3. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия / пер. с англ. Т. С. Драбкиной. Москва: Класс, 2019. 576 с.
Yalom I. Existential Psychotherapy. Moscow, Klass Publ., 2019. 576 p. (In Russ.).
4. Резанова З.И. Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: идеи, методы, решения // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2010. № 1(9). С. 26–43.
Rezanova Z.I. Metaphorical fragment of the Russian linguistic picture of the world: ideas, methods, solutions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 2010, no. 1(9), pp. 26–43. (In Russ.)
5. Nagy M. The child theories of death. *Journal of Genetic Psychology*, 1948, vol. 73, pp. 3–27.
6. Koocher G.P. Childhood, death, and cognitive development. *Developmental Psychology*, 1973, vol. 9, pp. 369–375.
7. Kastenbaum R. Personifications of death. *Encyclopedia of death*. Ed. by R. Kastenbaum and B. Kastenbaum. Phoenix (Ariz), Oryx Press, 1989, pp. 205–206.
8. Feifel H. New meaning of death. New York, McGraw-Hill, 1977. 352 p.
9. Feifel H., Nagy V.T. Another look at fear of death. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 1982, vol. 49, pp. 278–286.
10. McLennan J. The Revised Death Fantasy Scale: A measure of reactions of anticipatory contemplation of persona death. *The Australian Counselling Psychologist*, 1994, vol. 10, pp. 36–44.
11. McLennan J., Stewart C.A., Pollard A.C., Anastasios J., Akande A., McLennan L.J. Metaphors of persona death: Using metaphors to assess anticipatory perceptions of personal death. *Journal of Psychology*, 1997, vol. 131(3), pp. 333–342.
12. Cheung W.S., Ho S.M.Y. The use of death metaphors to understand personal meaning of death among Hong Kong Chinese undergraduates. *Death Studies*, 2004, vol. 28(1), pp. 47–62.
<https://doi.org/10.1080/07481180490249265>
13. Chau L.Y., Cheung W.S., Ho S.M.Y. Change in death metaphors among university students in Hong Kong from 2004 to 2016. *Death Studies*, 2018, vol. 43(1), pp. 32–40.
<https://doi.org/10.1080/07481187.2018.1432720>
14. He Y., Liang J., Guo S., Chen L. An Analysis of the Latent Class and Influencing Factors of Death Anxiety Among Han Chinese and Tibetan College Students. *OMEGA. Journal of Death and Dying*, 2022, vol. 89(2), pp. 683–700. <https://doi.org/10.1177/00302228221078101>
15. Kuczok M. Metaphorical conceptualizations of death and dying in American English and Polish: a corpus-based contrastive study. *Linguistica Silesiana*, 2016, vol. 37, pp. 125–142.
16. Bat Tonkuş M., Belkıs Çalışkan B., Alagöz E. Determining the death metaphors of nursing students: a phenomenological research study. *Current Perspective Health Science*, 2022, vol. 3(2), pp. 68–73.
17. Еремеев Б.А. Статистические процедуры при психологическом изучении текста. Санкт-Петербург., 1996. 55 с.
Eremeev B.A. Statistical procedures in psychological study of text. Saint-Petersburg, 1996. 55 p. (In Russ.).
18. Деева Н.В. Метафорическая репрезентация концептов «Смерть» и «Śmierć» в русской и польской лингвокультурах // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2016. № 4(53). С. 121–127.

Deeva N.V. Metaphorical representation of the concepts "Death" and "Śmierć" in Russian and Polish linguistic cultures. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S.A. Esenina*, 2016, no. 4(53), pp. 121–127. (In Russ.).

Информация об авторах / Information about the authors

Гаврилова Татьяна Александровна – кандидат психологических наук, доцент, специалист по учебно-методической работе, Дальневосточный федеральный университет (Владивосток, Российская Федерация)

✉ gavrilova.ta@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7265-579X>

Tatyana A. Gavrilova, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Specialist in Educational and Methodological Work, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation)

Слинькова Татьяна Владимировна – кандидат психологических наук, доцент, Владивостокский государственный университет (Владивосток, Российская Федерация)

✉ slinkova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0719-5563>

Tatyana V. Slinkova, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Vladivostok State University (Vladivostok, Russian Federation)

Статья поступила / Received: 05.06.2024.

Доработана после рецензирования / Revised: 18.06.2024.

Принята к публикации / Accepted: 16.08.2024.